

бы возложена задача разработки научных основ реставрации и осуществления практических работ. В мае 1918 года при отделе по делам музеев Наркомпроса под руководством Игоря Эммануиловича Грабаря была организована Всероссийская реставрационная комиссия, преобразованная впоследствии в Центральные государственные реставрационные мастерские. Основная задача возникшей в первые месяцы жизни Советского государства научной организации заключалась в охране памятников искусства и старины.

Метод, взятый на вооружение молодой наукой, — реставрация, охватывающая моменты укрепления и раскрытия. И дело пошло настолько хорошо и успешно, что спустя несколько лет советская школа реставрации заняла ведущее положение в мировой науке.

Академик И. Э. Грабарь в «Юбилейном сборнике АН СССР» за 1947 год, говоря о создании в советское время науки реставрации, отмечал особые заслуги Барановского в разработке нового метода: «... так же как и в живописи, основной смысл реставрации памятников архитектуры сводится к их охране, и здесь перед нами еще более настоятельная задача спасения памятников. Важно только не поддаваться соблазну архитектурных фантазий. По счастью, при многочисленных перестройках и переделках целых памятников или отдельных частей в большинстве случаев архитектор-археолог, обладающий долгим опытом, изучивший кладку разных эпох и наделенный архитектурной интуицией, всегда найдет на месте нового окна, пробитого или растесанного в не-

давнее время, точные следы древнего окна, скрытые под штукатуркой, и сумеет математически точно его восстановить. Таким архитектором-эрудитом является у нас П. Д. Барановский, под непосредственным руководством которого проведены все работы по восстановлению разрушенных зданий Ярославля и вся реставрационная методика, ее теория и практика, вытекающие из открытых им законов древнерусского строительства...»

Спасение памятников Ярославля в 1918 году П. Д. Барановским стало одной из интереснейших страниц книги истории школы советской реставрации.

Большая практическая работа, преподавание вначале на кафедре истории русской архитектуры Ярославского отделения археологического института, потом в МГУ, устройство Коломенского музея в Москве, участие в деятельности различных научных организаций в течение десятилетий сформировали из начинающего архитектора-археолога специалиста в области научной реставрации.

Это было начало замечательной подвижнической жизни Петра Дмитриевича Барановского. Начало, положившее дорогу к памятникам Юрьева-Польского, Болдинскому монастырю, под Дорогобужем, Пятницкому храму в Чернигове, Крутицкому комплексу в Москве...

«Миру в высшей степени необходимо иметь людей, которых можно уважать». Эти слова Ф. М. Достоевского с полным правом можно отнести к ученому: археологу, архитектору, историку, реставратору Петру Дмитриевичу Барановскому...

В. А. Чивилихин,
писатель,
лауреат Государственной
премии СССР

Болдинская поездка

(Отрывок из романа-эссе
«Память»)

От редакции

В этом году ушли из жизни Петр Дмитриевич Барановский и Владимир Алексеевич Чивилихин, замечательные представители советской культуры, чье творчество неразрывно связано с охраной и пропагандой историко-культурного наследия нашей Родины.

Свою долгую жизнь заслуженный дея-

тель искусств РСФСР П. Д. Барановский посвятил становлению советской школы реставрации. Его огромный энтузиазм, трудолюбие и беззаветное служение делу охраны памятников в нашей стране во многом способствовали возрождению таких выдающихся памятников, как запозданный Коломенский, Спас-Андроников и Болдинский монастыри, храм Параскевы-Пятницы в Чернигове, многие памятники Москвы, смоленской земли, Русского Севера.

Под руководством П. Д. Барановского подготовлено несколько поколений реставраторов, достойно продолжающих научные традиции, заложенные ученым.

Советскому читателю хорошо известны многочисленные статьи и книги лауреата Государственной премии СССР В. А. Чивилихина, в которых ярко раскрылся самобытный талант писателя-публициста, скончавшегося в самом расцвете творчества. Многие его произведения посвяще-

ны охране памятников России, береженье ее природных богатств. Среди них известный роман-эссе «Память».

Редакция публикует отрывок из этого романа, посвященный П. Д. Барановскому.

Едем в Болдино. Дорога куда как плоха: изуродована тяжелыми грузовиками, заболочена кое-где, просвет над нею затягивается листвою, которая вот-вот сомкнется и образует сумеречный туннель. Это старая Смоленская дорога. Знаменитая дорога! По ней, горделиво красуясь в седле, наступал на Москву во главе своих полчищ Наполеон, изрекший незадолго до этого похода: «Через пять лет я буду господином мира, остается одна Россия, но я раздавлю ее». Он ни в грош, видно, уже не ставил героически сражавшуюся Испанию, Англию и Турцию, необъятные Индию и Китай, заокеанские САСШ, но через три месяца этот господин, бросивший на пути свое раздавленное войско, вновь оказался на старой Смоленской дороге, потеряв в России свою славу непобедимого и свое легендарное самообладание...

Наш скрипучий фургон западает то одним, то другим колесом, а то двумя сразу в рывины и водоёмы, цепляет карданом и картером. На переднем сиденье, сразу же за шофером, чтоб не так трясло, едет глава нашей маленькой экспедиции, которого я знаю уже много лет, но каждая встреча и даже каждый телефонный разговор с ним обязательно открывают мне

что-то новое, расширяющее мои представления о жизни, истории, архитектуре, о великих трудах и горьком бессилии человека, уже не имеющего ни здоровья, ни времени, чтобы завершить начатое. Он пригласил меня в эту поездку, пообещав интересное. Он пока молчит, сутулится над своей палкой, да и трудно разговаривать в этакой тряске, под шум двигателя. Поехал я охотно — мне хотелось побывать в той точке, где скрестились, пусть и разделенные веками, пути Субудая и Наполеона.

Правда, в Вязьме он меня поразил на всю, как говорится, оставшуюся жизнь — не думаю, чтоб довелось еще раз увидеть что-либо подобное! Мы подъехали к большой старинной церкви, одетой почерневшими лесами.

— Одигитрия! — произнес он торжественно и многозначительно, как будто одного этого слова было достаточно, чтобы понять все без комментариев. — Пошли?

Ничего я не понял, и мы полезли наверх по хлипким лестницам и подмостям без перил. Он карабкался впереди, ощущая попутно кирпичную кладку, на межмаршевых переходах пробовал шаткие доски ногою и отчаянно смело ступал на них.

— Вы, пожалуйста, уж поаккуратней там! — крикнул я, когда высота стала расти, подул ветер, а переходы, заляпанные раствором и усыпанные кирпичным боем, сузились. Он ничего не ответил, лез себе да лез, и я не мог успеть за ним, пото-

му что после инфаркта на такую высоту поднимался только по эскалатору метро. Наш спутник, молодой московский архитектор-реставратор Виктор Виноградов, догнал меня и сказал, чтобы я не беспокоился.

— Почему?

— Любая высота ему нипочем — у него птичье сердце.

Виноградов ушел вверх, я пополз за ним, притираясь к изящно выложенным кокошникам, и только тут заметил, что вся кладка не совсем обычна — старинный кирпич массивен, гладок и перемежается в рядочках раствора с математической правильностью; всяческие углки, переходы, сопряжения сделаны из темно-красных фигурных деталей той же первоизданной крепости, а кой-где начали попадаться белокаменные прожилки. Наш старый вожак, не останавливаясь, что-то говорил, но слова отдувало ветром, и Виктор пояснял мне, что этот памятник — архитектурный уникум. В России не осталось памятников о трех каменных шатрах в ряд и на общих сводах, кроме, пожалуй, угличской Дивной. И основной кирпич особый — длина тридцать сантиметров, ширина шестнадцать, толщина восемь с половиной. Детали же кладки — шестнадцать различных размеров и конфигураций! — прошли специальную формовку и обжиг, то есть вся эта игрушка без единого отеса. А тут еще — видите? — все перемежает белый мячковский камень. По изяществу и мастерству каменных работ Одигитрия превосходит даже Василия Блаженного...

— Ну, это уж слишком, — сказал я.

— Нет, нет, не слишком, старик-то знает!

И вот мы наконец на самом верху, близ огромных крестов и куполов, недавно заново обшитых листовой медью. Под нами весь город, над нами все небо. С колотящимся сердцем я уселся отдыхать на груду битого кирпича, а маленький сухонький старичок, первым сюда поднявшийся, дергал за рукав большого человека в спецовке то туда, то сюда, потом буквально сбежал по лестничным поперечникам на марш ниже, к шатрам, и еще ниже, к барабанам, обнимал их и щупал, бросая тяжелые, безжалостные слова:

— Вы не понимаете, что творите! Вы варвар! Вы губите великий памятник! Ребра шатров неровны, кирпич стандартный, да еще весь в трещинах. А это что? Что это, я спрашиваю?

— Бетон, — слышится виноватый голос.

— А тут должен быть кирпич! Опять трещины... Вы понимаете, что влага заполнит их, порвет кладку, бетон ваш выветрится и рассыплется... Слушайте, здесь должен лежать тесаный белый ка-

мень, а вы опять замазали раствором! И почему не дождались спецкирпича? Ведь шестьдесят тысяч рублей за него перечислено! Журавины сделаны не так, ниши не по проекту, подлиннее арки растесаны. А «гуськи» — разве это «гуськи»? Думаете, леса сбросите и снизу никто не увидит ваших безобразий? Это же второй Василий Блаженный!..

Он побежал вниз, и мы начали спускаться за ним. Спускаться всегда опасней, чем подниматься, и мы еще не миновали кокошников, а он, благополучно миновав, как я подсчитал, восемнадцать лестниц, уже шумел на земле. Той осенью ему шел восемьдесят шестой год, и глаза его, загубленные катарактами и отслоениями сетчатки, не видели, — только кроны деревьев да очертания куполов, и то, если за ними стояло солнце...

Это был замечательный наш архитектор-реставратор Петр Дмитриевич Барановский, и мы по старой Смоленской дороге ехали в его родные места. Он совсем замкнулся после Вязьмы, не проронил ни слова и даже не перекусил с нами, отмахнулся.

— Одигитрию будем спасать, Петр Дмитриевич, — подсев к нему, сказал я. — В газету напишу, к начальству пойдем, приостановим работы.

— Спасибо. Я их уже приостановил, но поздно... А знаете, Наполеон запер в Одигитрии сто человек и приказал поджечь храм, но Платов подскочил, и казаки повтыгаскивали полужадохшихся людей... Ремонт — в начале-то девятнадцатого века — сделали хорошо, а мы в конце двадцатого не можем...

И снова замолчал до самого Болдина.

Не знаю, откуда взялось это географическое название, но встречал я его не раз и не два в разных местах, причем везде оно было освящено чем-то памятным. Еще в междоусобную войну 1146 года, когда киевский князь Изяслав Мстиславич пошел на Святослава Ольговича, то, согласно летописи, приостановился в каком-то Болдином лесу, где узнал о победе отца князя Игоря над смоленскими Давидовичами. В Чернигове высится Болдина гора, изрытая пещерами, с древним монастырем на ней и единственной на свете сохранившейся *одностолпной* Ильинской церковью XI века. И первый великий русский историк В. Н. Татищев доживал последние годы в своем подмосковном имении Болдине, где уже после его смерти во время пожара сгорело пять навсегда утерянных научных летописей, в том числе драгоценные Раскольниковыча и Голицынская. Общеизвестно пушкинское Болдино, но название это на нижегородскую землю перешло, кажется, по преемственности отсюда, из-под Дорогобужа, где была еще до Смутного времени вотчина ро-

да Пушкиных, и дальних родственников поэта хоронили у стен местного Болдина монастыря.

Мы подъехали к монастырю уже темно, ничего не увидели и расположились на ночлег в деревне Болдино, у здешнего лесничего.

Не спалось. Тарахтел где-то движок, собаки вокруг брехали, потому что неподалеку бил стекла тешиного дома упившийся зятек. Петр Дмитриевич скрипел койкой и вздыхал в темноте.

— Не спите? — тихо спросил я.

— Нет. Не могу ни есть, ни спать, покуда всего не переживу и не перевспоминаю... Испортили памятник! Это не реставрация, а что-то обратное... Вы, кстати, рисковали сегодня.

— Не больше вас. Но я высоты не боюсь, с детства по кедрам лазил... Можно спросить?

— Да.

— Мне сказали, что у вас будто бы какое-то птичье сердце.

— Наговорят... Просто я налазил по лестницам и веревкам больше их всех, вместе взятых. Если все суммировать, может, десять Эверестов получится. Так что это у меня просто привычка. А сегодня мы все рисковали по другой причине. Одигитрия ведь готова в любой момент рухнуть.

— Как? — испугался я за памятник. — Почему?

— А может и еще много лет простоять... Ее три тяжелых каменных шатра давят на своды, а те распирают стены. Поверх же стены ослаблены внутренними полостями, в которых при постройке были заложены мощные дубовые связи. Они выгнили за два с половиной века, и надо срочно пропускать стальные тяжи. Это я впервые сделал здесь, в Болдине.

— Давно?

— Как сказать? Не слишком. Вскоре после революции. Железо привез из разобранной Китайгородской стены и укрепил им великолепный здешний памятник.

Он помолчал и добавил с горечью:

— Только все было напрасно.

— Почему?

— Вы вообще-то знаете, что такое Болдино и что оно такое для меня лично?

— Нет. Если не спится, расскажите.

— Понимаете, тут родник всей моей жизни и моего дела...

В портфеле, стоящем у лежанки, я нащупал клавишу диктофона и включил; еще в Москве я попросил у Петра Дмитриевича разрешения на этот счет, и он сказал, чтоб я писал, чего хочу, — секретов у него никогда никаких не было, и он доживает жизнь без них.

Родился Барановский неподалеку от Болдина, в селе Шуйском. Отец его, безземельный крестьянин по положению,

деревенский умелец по нужде и талану, слыл мастером на все руки — мог срубы рубить, и дуги гнуть, и телеги да сани ладить, но главным занятием, к которому он сызмальства приучал сына, стало доброе и славное мельничное ремесло. Дмитрий Барановский умел и любил ставить на подпрудах смоленских речек эти древние простые устройства, от веку дающие народу хлеб насущный. И они красовались среди зеленых раки, отделяя омутистые, черные и тихие воды от шумных, пенистых, белых, а еще бы красивее были, если б не грузная приземистость тех мельниц; утонить бы да поднять верха повыше, чтобы от этого все вокруг захорошело...

Не вышло, однако, по отцовской-то тропке пойти. Сын оказался жаден до книг и спрашивал про такое, о чем его ровесники, играющие под окнами в бабки, думать не думают, а отец хоть и думал, но ответить не мог. Однажды они проезжали село Рыбки, и сын впервые увидел деревянное строение, напоминающее огромную елку, вонзившуюся в небо. Работа была хорошая, старинной аккуратности, которую подновить приспела пора, и отец заметил, что сын тоже не сводит глаз с шатрового завершения в зеленых мшинках; он глядел на него неотрывно, пока лес не загородил деревню...

Петру Барановскому было пятнадцать лет, когда отец привез его в Болдин монастырь на храмовый праздник Введения Богородицы. Тут стояла такая же шатровая Введенская церковь, но выложенная до креста в кирпиче. Церковь-то закрыли по ветхости еще в пору отцовской молодости, а праздник остался — съехалось с окрестностей много народу, у монастырской стены торговля шла всякой всячиной, гармоники заливались за прудом, карусели крутились, но сын, как завидел огромный пятикупольный собор, так и замер.

— Помню, меня поразило, — говорит Барановский, — что купола выше сосновых куп и отражаются в пруду вместе с облаками. Как в этой крохотной деревеньке люди подняли такие громады камня под небеса и придали им красоту?..

А через несколько лет по деревне прошел слух, будто сын Дмитрия Барановского подался в Москву, чтобы научиться чертить планы и по ним строить каменные дома.

— Поехал я не с пустыми руками. У меня были зарисовки церкви в Рыбках и Введенской в Болдине. В те годы возбудился интерес к архитектурной старине, но считалось, что влияние национальной русской зодческой школы, характерной шатровыми верхами, не распространялось западнее Можайска, переместившись на север. Когда в Московском археоло-

логическом обществе, объединяющем любителей старины, показал я свои эскизы западных шатровых церквей, ученые мужи ахнули и написали мне сюда поручительную бумагу...

— В каком году это было, Петр Дмитриевич? Давно?

— Не очень, в 1911-м...

У него не хватило терпения дожидаться лета, и на святки он явился в Болдино с братом. Игумен изучил бумагу и разрешил войти во Введенскую церковь, которую никто не посещал тридцать лет. Она была пуста, только в углу стояла огромная старинная печь. На полу лежал снег, нанесенный через окна и сквозные трещины. Юноша подошел к печи, смахнул картузом пыль и вздрогнул — открылись ослепительные краски изразцов. Братья сколотили лестницы, собрали по деревне мотки вервя. Карнизы сыпались, разрушенные корнями трав, шатер пронзали забытые кирпичной трухой трещины. Две недели братья, коченя на ветру и морозе, обмеряли ветхий памятник и примыкающую к нему трапезную палату XVI века.

— Удивительное, знаете, неповторимое явление! Одностолпная, под сводами, с замечательным изразцовым декором и изразцовыми сверху донизу печами. Есть, конечно, Грановитая палата, но это столица, дворец, а тут монастырская трапеза в глухомани! И вот снова Москва. Заседание археологического общества. Развесил я чертежи, рисунки, эскизы с обмерами. Прочел устный небольшой доклад и представил первый в своей жизни проект реставрации. Через несколько дней получил приглашение снова явиться. Показывают решение и вручают премию в четыреста рублей пятирублевыми золотыми монетами. Для меня совсем неожиданная и огромная сумма!

— На что же вы ее употребили?

— Положил в банк. Как ни трудно мне тогда было, я до весны не разменял из нее ни одной пятирублевки. А весной купил фотографический аппарат с прикладом и поехал по России... Сначала сюда, в село Рыбки, где сфотографировал и обмерил деревянную шатровую церковь семнадцатого века. Потом вернулся в Вязьму, к Одигитрии, которая навсегда покорила меня, когда я встретился с ней на своем московском первопутке. Обмерял ее для практики — необыкновенно сложная и увлекательная была работа! Впрочем, вы сегодня, то есть, наверное, уже вчера, видели этот драгоценнейший памятник.

— Выходит, вы впервые поднялись на него шестьдесят пять лет назад?

— Выходит, так... А вам сейчас сколько?

— Скоро уже полсотни.

— Юноша, — засмеялся он в темноте

и через паузу добавил задумчиво: — В вашем возрасте я был далеко отсюда. В Сибири.

— Где же? — полюбопытствовал я, потому что о Сибири мне всегда все интересно.

— Есть такой городок Мариинск...

— Удивительное совпадение! — вырвалось у меня.

— Именно?

— Да я же родился в Мариинске!.. А вы что там делали? — совсем глупо и бестактно спросил я, но было поздно.

— Библиотеку построил в классическом стиле, — произнес он. — С деревянными колоннами. Верстах в трех от станции. Помните?.. Моя вынужденная экскурсия туда была связана с Василием Блаженным, но это уже совсем другие воспоминания, оставим их...

А я лежал и вспоминал то, о чем вспоминать не хотелось. Мария Юрьевна Барановская еще в бытность свою рассказывала мне, как в середине 30-х годов Петру Дмитриевичу поручили обмерить Василия Блаженного.

— Зачем? — спросил он.

— Памятник назначен к сносу.

Барановский сказал что-то очень резкое, покинул собеседника, и вскоре Мария Юрьевна принесла ему первую передачу.

— Начали? — спросил он жену. — Рушат?

— Нет.

— Тогда я буду есть...

Чтобы прогнать от себя эти воспоминания, спрашиваю:

— Петр Дмитриевич, а как вы, между прочим, тогда, до революции сумели поступить в институт?

— Между прочим, сначала закончил Московское строительное-техническое училище, работал, потом уж был археологический институт...

Но это *прочее* было для него ничем не заменимой академией. За эти годы он всласть полазил по стенам, шатрам и куполам, от души поработал *мастерком*. В Москве, Туле и Ашхабаде работал помощником у архитекторов и подрядчиков, строил военные объекты на германском фронте. В Старице Тверской губернии провел полное исследование Борисоглебского собора, памятника XVI—XVII веков, представил проект и модель его реконструкции. Изучил образцы народного деревянного зодчества XVII—XVIII веков в районах Минска, Слуцка, Пинска и Ровно, частично обмерил Китайгородскую стену — сразу-то после революции ее было решено отреставрировать и сохранить как памятник истории и городской фортификации... А в 1918 году Петр Барановский узнал, что во время эсеровского мятежа в Ярославле сильно пострадало особое национальное достояние на-

шего народа — замечательные памятники нашей архитектуры. Через проломы в куполах, сводах и кровлях осенние дожди да мокрые снега могли смыть бесценные фрески. Он обратился в Наркомпрос.

— Это было удивительное, тяжкое и святое время. Трудно даже сейчас представить!.. Мятежи, голод, оккупация, интервенция, кровь льется, люди мрут. И остался, как в тринадцатом веке, лишь островок родной земли, не занятой врагом!

Голос у него сорвался. В темноте я перевернул кассету.

— Что нужнее — отремонтировать паровоз или древний храм? И вот, по свидетельству Бонч-Бруевича, Ленин лично распорядился немедленно взяться за спасение памятников Ярославля... Меня назначили руководителем работ. Мне прежде всего нужен был брезент, чтобы срочно защитить самое драгоценное, но брезент был тогда тоже драгоценностью — ни на одном складе его не находилось. Наркомпрос обратился в военвед, и я тут же получил двенадцать огромных кусков брезента. До смерти запомню тот день — 25 августа 1918 года, когда я выехал в Ярославль, во мне все пело... Вы еще не спите?

— Продолжайте, пожалуйста...

— Ну вот, прикрыл я фрески под проломами, все прикрыл! В жизни бывают, однако, поразительные, необъяснимые совпадения, и сейчас я вам расскажу совершенно дикую историю... Ровно через пятьдесят лет, в 1968 году, именно Ярославль стал свидетелем варварского деяния. Наши же реставраторы загубили замечательные фрески храма Иоанна Предтечи в Толчкове — не смогли, видите ли, вовремя починить кровлю! Преступников, правда, посадили на скамью подсудимых, но это, строго говоря, паллиатив — русская и общечеловеческая культура навечно лишилась неповторимых сокровищ средневековой живописи...

Барановский прерывисто вздохнул, и я сказал:

— Может, пора вам отдохнуть, Петр Дмитриевич?

— Я мало сплю. И, кстати, тихо, как мышь... А вам интересно? Мне хочется снова вернуть вас сюда, в Болдино! Нет, нет, это вы меня извините, я давно так много не говорил... Сейчас заканчиваю.

В Ярославле к 1927 году было восстановлено около двадцати памятников. Барановский же снова и снова бывал здесь. Обмерил Троицкий собор, колокольню, еще раз с превеликим удовольствием трапезную, составил проект реставрации всего комплекса, защитил на этой основе диссертацию и немедленно начал работы... Начал...

Он замолчал, и я выключил диктофон.

* * *

Утром, за чаем, будто не было никакого перерыва, он заговорил:

— Сразу же привез из Москвы дефицитнейший тогда металл. Взял бетон, завел в ниши Введенской церкви, скрепил. Параллельно с каменными, плиточными и лепными работами затеял тут музей — русская народная скульптура, резьба по дереву, керамика, старинное оружие, археологические находки. Здешние окрестности с точки зрения археологии — золотое дно! В верховьях Днепра множество городищ, и недаром скандинавские саги говорят о нашей прародине как о Гардарике — стране городов.

— В этих местах скрецивались две главные дороги глубокой древности — с севера на юг и с запада на восток, — добавил я. — Не только в древности. В средневековье степная орда прошла, и, наверно, можно найти ее следы! В новое время французы на Москву и обратно.

— А между ними поляки, литовцы, шведы... В 1500 году великий московский князь Иван III на реке Ведроше, что впадает в Осьму почти рядом с монастырем, разбил польско-литовские войска и взял все эти древнейшие русские земли под Москву и православие...

Да, свершилось тогда огромное историческое событие! С русской и литовской сторон в сражении участвовало по сорок тысяч воинов. Перед Ведрошей передовые русские отряды вступили в бой и тут же отошли на восточный берег реки, а переправившихся литовцев встретили главные силы. Сеча завязалась жестокая и длительная. Но вот командовавший русскими войсками князь Даниил Щень послал в бой свежий засадный полк, который и решил исход сражения. Русские захватили всю артиллерию противника, много пленных, включая самого главу похода. В результате этой блестящей победы к Москве отошла исконно русская северская земля — с Черниговом, Новгород-Северским, Путивлем...

— А несколько позже инок Герасим, прозванный Болдинским, основал здесь скит, впоследствии монастырь... И удивительные находки, знаете, случаются в истории! В 1923 году в шведских архивах были найдены — что бы вы думали? — приходно-расходные книги Болдина монастыря! Это исключительно интересная и важная находка, потому что подтвердила, хотя и косвенно, мои догадки об архитекторе.

— Кто же он?

— Федор Савельевич Конь.

— Неужто?

— Да, тот самый единственный русский зодчий, который торжественно именовался как «государев мастер палатных, церковных и городовых дел». Родил-

ся он тут же, под Дорогобужем, а сын его был казначеем этого монастыря. Федор Конь, как вы знаете, построил два великих сооружения — Смоленский кремль и Белый город в Москве, а тут он появился около 1575 года. Его ссора с придворным Ивана Грозного немцем Генрихом Штаденом закончилась дракой. Мастер скрылся в этот монастырь и начал обстраивать его. Вознесся над лесом собор с громадной центральной главой и четырьмя поменьше, явилась чудо-трапезная, о которой мы уже говорили, колокольня в шестерик с огромными арочными проемами и шлемовидным завершением. Характер кладки, стилиевые приемы, зодческий почерк в сочетании с документами и биографическими данными Федора Коня убедили меня в том, что именно он, этот великий русский зодчий, создал на своей родине еще один бессмертный памятник мастерства, искусства и духа, который еще при его жизни считался лучшим архитектурным комплексом Московского государства... Белый город Федора Коня безвозвратно исчез, поэтому так важно было сохранить Болдинский монастырь! К концу двадцатых годов основные реставрационные работы закончились... А теперь пойдете смотреть. Где моя неразлучная подруга? Куда я ее дел?

Палка нашлась, и мы вышли на улицу. Жадно оглядев окрестности, я ничего не увидел — ни куполов, ни каменного шатра, ни колокольни... Но вот за прудом показалась низкая серо-белая стена и внутри ее что-то неопределенное и бесформенное — какое-то приземистое, свежего кирпича строение, деревянные навесики, груды старого камня, и в центре всего возвышалась гора, поросшая зеленой травой.

— Хорошо видите? — спросил Петр Дмитриевич, приостановившись на плотине.

— Да, — поперхнулся я.

— Они взорвали тут все! — крикнул он, и руки его, сжавшие набалдашник палки, побелели в суставах.

— Зачем? — растерянно спросил я, хотя хорошо знал, *зачем* фашисты планомерно и целенаправленно уничтожали памятники старины: затем, чтобы уничтожить этот предмет нашей национальной гордости, лишить нас исторической памяти, унижить презрением, запугать чудовищной аморальностью и даже обеднить в какой-то мере материально, потому что хорошо знали — мы все это будем когда-нибудь восстанавливать!

В тот болдинский день я узнал, что варварское уничтожение собора Федора Коня в 1943 году было также актом бесильной злобы и мстительности — в бывшем монастыре располагался штаб пар-

тизанских соединений этого района Смоленщины. В крохотном музейчике, еще с двадцатых годов хранящем несколько экспонатов, некогда собранных П. Д. Барановским, лежат на полках партизанские пулеметы, гранаты, висят портреты патриотов-партизан. Краткий отчет о действиях одного из соединений, которым командовал Герой Советского Союза Сергей Гришин: взорвано около ста мостов, пущено под откос 295 паровозов и 8486 вагонов с грузами, уничтожено более двадцати тысяч гитлеровцев.

Окруженные в монастыре партизаны сражались до последнего патрона. Оставшихся в живых согнали к стене Троицкого собора и расстреляли из пулеметов. На этом месте сейчас стоит скромный обелиск, но если думать о священной Вечной памяти, то должно восстать из праха все окружающее его!

Петр Дмитриевич, хватаясь руками за будылья, карабкается на гору камня и ждет, когда поднимутся остальные. Смотрит невидящими глазами вокруг, но у меня такое ощущение, что видит он все лучше других. Так оно и было, потому что никто из нас не видел архитектурного ансамбля Болдина целым, не входил в собор, не поднимался на колокольню.

— Старая Смоленская дорога — вот она, вдоль стены тянется, — показывает он рукой. — Стена имела четыре угловые башни... А там, у главных ворот, смоленские студенты выложили часть стены. Хорошая работа! Ну а мы общими усилиями трапезную возвели заново по моим ранним обмерам. Очередь колокольни. Первый ярус, как видите, готов... Видите блоки под навесами? Они добыты из такой же горы развалин, пронумерованы, и каждый уже знает свое место. Будем поднимать эти куски старой кладки и вклеивать... Собор был взорван умелыми разрушителями, однако огромные куски стен упали целехонькими — Федор Конь делал раствор доброго замеса! Все фрагменты поставим на место...

Это был новый метод реставрации, разработанный Барановским. Пойдут в дело вот эти кокошники, карнизы, детали окон — только когда? Работы на колокольне идут слишком медленно, руины собора даже не разобраны, а дожди, снега и травы вот уже три десятилетия с гаком делают свое недоброе дело, которому, к сожалению, помогает и окрестное население, устлавшее болдинским кирпичом дорожки в личных дворах да полы скотных дворов...

Вдруг я вздрогнул, увидев на краю гигантского каменного развала щемяще знакомое. Побежал вниз. Да, сомнений нет — сибирский кедр! Густотой своей меланхолической кроны выделется из

всего здесь растущего. Лет двести ему, красавцу, не меньше, — француза, значит, еще помнит. И устоял при взрыве, хотя рос под самой стеной собора. Молодец!.. Когда я вернулся, Петр Дмитриевич спросил:

— Кедр смотрели?

— Да... Устоял!

— Мне Мария Юрьевна читала о кедрах из вашей книги. И правда, хорошо бы эти леса сберечь, но с моей точки зрения есть дела поважней.

— Это было тоже нужное и нелегкое дело.

— Любой ботанический реликт можно вырастить, если есть хоть одно семечко, леса поднимутся сами, если оставить их в покое, — возразил он, — а вот рукотворная природа, памятники нашей истории и культуры часто исчезают навсегда...

Потом мы осматривали трапезную, будто выросшую из земли, — так она фундаментально и естественна, так изящно просты ее контуры, так гармоничны внутренние плоскости, закругленья и линии, необъяснимой своей красотой и соразмерностью передающие дух старины. В избушке реставраторов Петр Дмитриевич бережно опорочил свой пухлый портфель, и мы долго рассматривали рисунки, эскизы и чертежи, густо усыпанные стрелочками с цифрами: сотни, тысячи, многие тысячи размеров в различных масштабах, разрезах, планах и профилях — генеральная схема будущего ваяния в камне...

* * *

На восток от Болдина вздымались леса — там явно шел к югу водораздел. Назавтра я поднялся туда, чтоб ступить ногой на тропу Субудая. Другого пути на Дорогобуж у него не было, кроме этой возвышенности над левобережьем Днепра...

Мне хотелось попутно побывать еще в двух местах Дорогобужского района — на Семлевском озере и в Алексине. Семлевское озеро, быть может, хранит на своем дне давнюю тайну. Наполеон, будучи политическим авантюристом, не пренебрегал, как известно, и древнейшим способом обогащения — военным грабежом. В сожженной Москве он опустошил Кремль и богатые особняки, нагрузил драгоценностями большой обоз, но на старой Смоленской дороге понял, что казаки вот-вот отобьют уворованное. Перед Дорогобужем обоз таинственно исчез, а описанные в дворцовых, церковных и дворянских домовых книгах бриллианты, золотые и серебряные изделия не объявились ни в Париже, ни в Москве, нигде более. Местные предания, не имеющие вариантов, твердили одно — клад

был утоплен в Семлевском озере. Научные анализы его воды показывают, что она отличается от воды всех озер, расположенных вдоль пути наполеоновской армии, большим содержанием золота. Водолазы и аквалангисты давно щупают приборами дно Семлевского озера, подтверждают — что-то есть. Однако глубокие воды и многометровый слой ила пока не пускают любителей к сокровищам, если они действительно там лежат.

Алексино же — замечательная усадьба XVIII века с прекрасным дворцом и парком. Здесь в 1858 году у своего богатого родственника Барышникова жил после сибирской каторги и ссылки декабрист Николай Басаргин вместе с женой Ольгой Ивановной, сестрой Д. И. Менделеева, и воспитанницей Поленькой Мозгалевской, вскоре вышедшей замуж за Павла Менделеева, старшего брата великого русского ученого. Очень хотелось побывать в Алексине, чтобы вообразить атмосферу того времени да оживить *память*...

— Петр Дмитрич, вы бывали в Алексине? — спрашиваю я.

— Как же! Много раз... Замечательный памятник архитектуры! Я его застал в сравнительно хорошем состоянии. В парке еще последний павлин бродил... Однако все приходило в запустенье, и мы, два чудака на весь уезд, мало что могли сделать...

— А кто второй?

— Пришвин.

— Какой Пришвин?

— Михаил Михайлович.

— Вы были знакомы! — вскрикнул я. — А что он тут делал?

— Жил и работал. Я пытался создать в Болдине музей народной деревянной скульптуры, а он был хранителем музея усадебного быта в Алексине. В имении сохранялась прекрасная библиотека, старинная мебель и посуда, роспись, лепка, драпировка... Пришвин в те годы не печатался, но что-то писал, я знаю...

Удивительные все же совпадения случаются в жизни! Ровно через два года после той нашей поездки в журнале «Север» было впервые опубликовано замечательное эссе М. М. Пришвина «Мирская чаша», где он пишет об Алексине, о музее и его судьбе, о собственных печальных страстях, выраженных через героя своего Алпатова, о грязевых и снежных хлябях, окружавших Алексино в те далекие уже годы... «И в таких-то снегах, по такой-то дороге, собрав возле себя целый обоз, едет из города человек иной жизни... Он едет спасти несколько книг и картин, больше ему ничего не нужно, и за это он готов заблудиться, голодать и даже вовсе погибнуть, есть такой на Руси человек, влюбленный в ту сторону прошлого, где открыты ворота для будущего...»